

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.С. ГОРБАЧЕВА ПО СОВЕТСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

22 октября 1986 года

Добрый вечер, дорогие товарищи!

Мы опять встречаемся с вами и опять по тому же вопросу – о Рейкьявике. Вопрос слишком серьезный. Итоги встречи с Президентом США взбудоражили весь мир. За истекшие дни появилось много новых данных, требующих оценки, которыми я и хотел бы сегодня с вами поделиться.

На пресс-конференции в Рейкьявике я, помните, говорил, что мы еще не раз будем возвращаться к встрече между руководителями СССР и США.

Убежден: мы еще не осознали всей важности того, что произошло. Но обязательно поймем – не сейчас, так завтра, – поймем все значение Рейкьявика и воздадим должное как достижениям, приобретениям, так и упущенным возможностям, потерям.

При всем драматизме – и хода переговоров, и их итогов – встреча в Рейкьявике, может быть впервые за многие десятилетия, так далеко продвинула нас в поисках путей к ядерному разоружению.

Я и сейчас считаю: в итоге встречи мы поднялись на более высокую ступень не только в анализе ситуации, но и в определении целей и рамок возможных договоренностей по ядерному разоружению.

Оказавшись в нескольких шагах от практической договоренности по столь трудной и жизненно важной проблеме, все мы неизмеримо больше стали понимать опасность, в которой находится мир, сильнее чувствуем необходимость безотлагательных решений и, что самое главное, – сейчас мы знаем: устранение ядерной угрозы – реально и возможно.

Здесь я хотел бы заметить, что еще совсем недавно советская программа ликвидации ядерных вооружений к 2000 году многими «столпами» мировой политики объявлялась иллюзией, несбыточной мечтой.

Вот уж воистину – тот самый случай, когда прошлый опыт является не богатством и не советчиком, а грузом, отягощающим поиск решений.

Но Рейкьявик породил не только надежды, Рейкьявик высветил и трудности на пути к безъядерному миру.

Без понимания этого факта нельзя правильно оценить итоги исландской встречи.

Силы, противостоящие тенденции к разоружению, велики. Это мы почувствовали как на самой встрече, так и сейчас. О Рейкьявике сейчас говорится много.

Встреча в Исландии реалистически мыслящими людьми расценивается как крупное политическое событие.

Приветствуется тот факт, что в результате ее удалось выйти на новые качественные рубежи в борьбе против ядерного оружия. Итоги Рейкьявика, как они видятся советскому руководству, ободряют всех, кто хочет перелома к лучшему.

Интересные оценки высказываются в государственных, общественных и научных кругах большинства стран. Наметившиеся возможности характеризуются как отвечающие общечеловеческим устремлениям.

По общему мнению, встреча подняла на новый уровень советско-американский диалог, равно как и в целом диалог Восток-Запад.

Он выведен из плоскости технических выкладок, цифровых сопоставлений на новые параметры и измерения.

С этой высоты видны новые перспективы в решении тех проблем, которые так остро сегодня стоят, – я имею в виду безопасность, ядерное разоружение, недопущение новых витков гонки вооружений, новое понимание возможностей, открывшихся перед человечеством.

Дискуссия в мире по итогам встречи, можно сказать, еще только разворачивается. Думаю, больше того, убежден, она будет нарастать. Будут нарастать, как мы думаем, и общие усилия народов, политических и общественных кругов, направленные на реализацию возможностей, открывшихся на встрече в Рейкьявике.

Там был обозначен маршрут движения к решению важнейших проблем, от которых зависит сама судьба человечества.

Но время после Рейкьявика показало и другое.

Круги, связанные с милитаризмом, с прибылями от гонки вооружений, явно напуганы. Они изо всех сил стараются справиться с новой ситуацией и, координируя свои действия, всячески стремятся сбить с толку людей, взять под контроль настроения широких кругов мировой общественности, погасить их порыв к миру, помешать правительствам занять четкую позицию в этот решающий исторический момент.

В распоряжении этих кругов – власть политическая, экономические рычаги, мощные средства информации. Не следует переоценивать их силу, но и недооценивать тоже не следует. По всему, конечно, видно – борьба будет трудной.

В стане противников разрядки и разоружения началась новая перегруппировка сил, предпринимаются лихорадочные усилия выстроить такие препятствия, чтобы процесс, начатый в Рейкьявике, захлебнулся.

В этих условиях считаю необходимым вернуться к вопросам, остро вставшим в повестку дня в связи со встречей в Исландии.

Наша точка зрения, которую я высказал спустя час по ее окончании, не изменилась. Считаю необходимым сказать об этом не только для того, чтобы подтвердить ранее сделанные оценки.

Делаю это, чтобы обратить ваше внимание на чехарду и разноголосицу, которые мы наблюдаем. То ли это от растерянности, замешательства, то ли заранее продуманная акция по надувательству простых людей.

Идут разные объяснения целей, которые ставились перед встречей. От первых проклятий в адрес Рейкьявика быстро и дружно перешли к восторгам.

Началась суетливая кампания по присвоению себе не своих предложений.

Главные силы брошены на защиту посрамленной в Рейкьявике СОИ. В общем, суматошные дни переживает сегодня Вашингтон.

Что это – предвыборная игра, которая нуждается в успехе Рейкьявика? Или имеем дело с непредсказуемой политикой на предстоящие годы?

Этот феномен нуждается в серьезном изучении.

Мимо нашего внимания не прошло, как и куда некоторые политические круги пытаются направить обсуждение итогов встречи.

О главных моментах такой кампании стоит сказать. Хотят обелить деструктивную позицию администрации США, которая пришла на встречу неподготовленной, я бы сказал еще раз, со старым багажом, а когда деваться было некуда и обстановка потребовала ясных ответов, сорвала возможность завершить встречу договоренностями.

Хотят в новой ситуации, создавшейся после Рейкьявика, понудить СССР вернуться к старым подходам, тянут назад к бесплодным цифровым дискуссиям, к блужданию по кругу в условиях тупика.

Очевидно, немало таких политиков на Западе, которых переговоры в Женеве устраивают как ширма, а не как форум для поиска договоренностей.

Теперь становится яснее то, что раньше тщательно маскировалось: в американских и западноевропейских правящих кругах есть мощные силы, которые стремятся сорвать процесс ядерного разоружения, кое-кто опять стал утверждать, что ядерное оружие – чуть ли не благо.

Говорят, что половина правды – самая опасная ложь. И очень тревожно, что на такую позицию – а подчас и позицию прямого обмана – встали не только средства массовой информации правого толка, но и высокопоставленные деятели американской администрации.

Я уже имел возможность рассказать, как было дело в Рейкьявике. Мы приехали на встречу с конструктивными и самыми радикальными за всю историю советско-американских переговоров предложениями по сокращению вооружений. В них учитываются интересы обеих сторон.

Прибыв в Исландию, я сказал об этом накануне встречи в беседе с руководителями этой страны. И уже в середине первой беседы с президентом США эти предложения ему были вручены.

Далеко идущие и взаимосвязанные, они составляют **целостный пакет** и основаны на объявленной 15 января нашей программе ликвидации ядерного оружия к 2000 году.

Первое. Вдвое сократить все без исключения стратегические вооружения.

Второе. Полностью ликвидировать советские и американские ракеты средней дальности в Европе и незамедлительно приступить к переговорам по ракетам этого типа в Азии, а также и по ракетам с дальностью меньше 1000 километров, число которых мы предложили сразу же заморозить.

Третье. Упрочить режим ПРО и начать полномасштабные переговоры о полном запрещении ядерных испытаний.

На базе советских предложений и развернулись дискуссии в Рейкьявике, о чем я подробно говорил в прежних своих выступлениях.

В результате трудной борьбы и острых споров произошло обнадеживающее сближение позиций по двум из трех направлений.

Логика переговоров вывела стороны на определение конкретных сроков ликвидации стратегических наступательных вооружений. И мы с Президентом Р. Рейганом пришли к согласию, что такие вооружения СССР и США могут и должны быть полностью ликвидированы к 1996 году.

Была достигнута договоренность и о полной ликвидации американских и советских ракет средней дальности в Европе, и о радикальном сокращении ракет этого класса в Азии.

Мы придаем этим договоренностям между СССР и США принципиальное значение: они показали, что ядерное разоружение возможно.

Такова первая половина правды о Рейкьявике. Но есть и другая половина. Состоит она, как я уже сказал, в том, что американская сторона сорвала соглашение, до которого, казалось, рукой подать.

Сейчас администрация США изо всех сил старается убедить, что возможный крупный успех с выходом на конкретные соглашения не был достигнут ввиду неуступчивости советской стороны по программе так называемой «стратегической оборонной инициативы».

Говорят даже, будто мы заманили в ловушку президента, выдвинув «захватывающие дух» предложения по сокращению стратегических наступательных вооружений и ракет средней дальности, а потом, дескать, в ультимативной форме потребовали отказа от СОИ.

Но суть нашей позиции, наших предложений вот в чем: мы за сокращение, а затем и полную ликвидацию ядерного оружия и решительно против нового этапа гонки вооружений, переноса ее в космос.

Отсюда – мы против СОИ и за укрепление Договора по ПРО.

Всякому здравомыслящему человеку понятно, что если мы вступаем на дорогу глубоких сокращений, а потом и полного уничтожения ядерного оружия, то надо исключить любую возможность, которую могла бы использовать то ли советская, то ли американская сторона для получения одностороннего военного превосходства.

Как раз главную опасность СОИ мы и видим в переносе гонки вооружений в новую сферу, в стремлении вырваться с наступательным оружием в космос и таким способом добиться военного превосходства.

СОИ встала на пути прекращения гонки вооружений, избавления от ядерного оружия, главным препятствием на пути к безъядерному миру.

И когда господин Шульц, государственный секретарь США, говорит американскому народу, что СОИ – это своего рода «страховой полис» для Америки, то это, по меньшей мере, попытка ввести в заблуждение американский народ.

СОИ на самом деле не укрепляет безопасность Америки, не укрепляет, а, открывая новый этап гонки вооружений, дестабилизирует

военно-политическую ситуацию и тем самым ослабляет и безопасность Соединенных Штатов, и всеобщую безопасность.

Это американцы должны знать.

Должны они знать и то, что позиция США по СОИ, объявленная в Рейкьявике, в корне противоречит Договору по ПРО. Статья XV этого договора действительно позволяет выйти из договора, но только при определенных обстоятельствах, а именно – если «исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее (участницы Договора) высшие интересы». Никаких таких обстоятельств не было и нет сейчас. И понятно, что ликвидация ядерного оружия, если бы она началась, делала бы возникновение таких чрезвычайных обстоятельств еще менее вероятным. Это логично.

Статья XIII Договора по ПРО предусматривает и другое, а именно – что стороны должны «рассматривать по мере необходимости возможные предложения по дальнейшему повышению жизнеспособности настоящего договора». США же стремятся, наоборот, обесценить договор, лишить его смысла.

Это все – цитаты из документа, подписанного высшим представителем Соединенных Штатов.

Много сочинили побасенок, чтобы поднять авторитет СОИ. Одна из них – что русские страшно ее боятся. Другая – что именно СОИ привела русских на переговоры в Женеву, а потом и в Рейкьявик. Третья – что СОИ – это единственное спасение Америки от «советской угрозы». Четвертая – что СОИ обеспечит Соединенным Штатам большой технологический отрыв от Советского Союза и других стран и т. д. и т. п.

Сейчас со знанием проблемы я могу сказать только одно: **продолжение программы СОИ втянет мир в новый этап гонки вооружений и дестабилизирует стратегическую обстановку.**

Все остальное, что приписывается СОИ, – во многом весьма сомнительно и делается для того, чтобы в привлекательной упаковке сбывать этот подозрительный и опасный товар.

Президент, отстаивая свою позицию, приведшую к срыву договоренности в Рейкьявике, задает риторические вопросы: «Почему русские столь упорно требуют, чтобы Америка навечно осталась уязвимой для советского ракетного удара? Почему Советский Союз настаивает на том, чтобы мы оставались беззащитными навечно?».

Меня, признаться, такие вопросы удивляют. Из них вроде бы вытекает, что у американского Президента есть возможность сделать свою страну неуязвимой, надежно ее защитить от ядерного удара.

Но пока существует ядерное оружие и продолжается гонка вооружений, у него нет такой возможности. Так же, разумеется, как и у нас.

Если Президент надеется здесь на СОИ, то зря. Эффективной эта система будет разве что в случае, если ликвидировать все ракеты. Но зачем тогда, спрашивается, вообще нужна противоракетная оборона? К чему ее строить? Я не говорю уже о выброшенных на ветер средствах, о стоимости этой системы – по некоторым оценкам, она достигнет нескольких триллионов долларов.

Пока же мы стараемся убедить Америку отказаться от опасной затеи. Убеждаем американскую администрацию искать неуязвимость, защиту на другом пути – на пути полной ликвидации ядерного оружия, создания всеобъемлющей системы международной безопасности, исключаящей любые войны – и ядерные, и обычные.

Однако на сегодняшний день программа СОИ остается составной частью военной доктрины США.

Поныне действующее «Руководство по обороне на 1984-1988 годы», вышедшее из недр Пентагона в начале президентства Рейгана, прямо предусматривает «разработку систем космического базирования», включая средства уничтожения советских спутников, форсирования систем противоракетной обороны территории Соединенных Штатов с возможным выходом США из Договора по ПРО.

Как подчеркивается в этом документе, «надо направить военное соперничество с СССР в новые области и тем самым сделать бессмысленными все предыдущие советские расходы на оборону и сделать все советское оружие устаревшим». Опять, как видите, погоня за призраком, выражаясь словами бывшего Президента Никсона, опять расчеты измотать Советский Союз.

Трудно даются уроки нынешней администрации.

Не здесь ли ответ на вопрос, почему так упорно держатся за СОИ? Планы «звездных войн» стали главным препятствием к договоренности о ликвидации ядерной угрозы. И зря сейчас в Вашингтоне стремятся изобразить дело так, будто мы движемся к соглашению.

Ликвидировать ядерное оружие как средство сдерживания американской агрессии, получив взамен угрозу из космоса, – на это могут пойти лишь политические простаки. Таких в советском руководстве нет!

Трудно примириться, что из-за всего этого упущен уникальный шанс – избавить человечество от ядерной угрозы. Имея именно это в виду, я говорил на пресс-конференции в Рейкьявике о том, что мы не считаем диалог законченным и надеемся, что, вернувшись домой, Президент Р. Рейган посоветуется с конгрессом США, с американским народом и примет решения, необходимость которых логически вытекает из достигнутого в Рейкьявике.

Произошло же совсем другое. Помимо того, что исказили всю картину переговоров в Рейкьявике – об этом я еще скажу, – предприняли в последние дни акции, которые на нормальный человеческий взгляд выглядят просто дикими после столь важной встречи на уровне высшего руководства двух стран.

Я имею в виду высылку из США еще 55 работников советского посольства и консульства. Мы, конечно, примем ответные меры, очень жесткие меры, так сказать, на равных. Спускать такое безобразие не намерены. Но сейчас я – о другом.

Что же это за правительство, что же можно ожидать от него в других делах на международной арене? До каких пределов распространяется непредсказуемость его действий?

Оказывается, что не только нет у него конструктивных предложений по ключевым вопросам разоружения, но нет даже желания сохранить атмосферу, необходимую для нормального продолжения диалога. Получается, что Вашингтон не готов ни к тому, ни к другому.

Напрашивается вывод. Он подтверждается уже немалым опытом. Каждый раз, когда обнаруживается просвет в подходах к крупным вопросам советско-американских отношений, к урегулированию вопросов, затрагивающих интересы всего человечества, тут же следует провокация, рассчитанная на то, чтобы сорвать возможность позитивного решения, отравить обстановку.

Так где же истинное лицо американской администрации? За поиск ли она развязок и решений или окончательно хочет разрушать все, что может служить основой для продвижения вперед, заведомо исключить всякую нормализацию?

Складывается весьма неприглядный портрет администрации великой страны, быстрой на деструктивные, разрушительные действия. То ли президент не может справиться с окружением, которое буквально дышит ненавистью к Советскому Союзу и ко всему, что может ввести международные дела в спокойное русло, то ли он сам этого хочет. Во всяком случае, управы на «ястребов» в Белом доме нет. И это очень опасно.

Что же касается информирования американцев о Рейкьявике, то произошло следующее – вполне в духе вышесказанного. От них утаили факты. Им сказали ту самую полуправду, о которой я говорил выше. Дело изобразили так, будто США, действуя с позиции силы, почти вырвали у Советского Союза согласие договориться на американских условиях.

И недалек день, когда США, дескать, добьются своего: надо, мол, только не сбавлять темпа военных приготовлений, форсировать программу «звездных войн», усиливать нажим по всем направлениям.

Эти дни стали свидетелями того, что великое дело топится в мелком политиканстве. В жертву фабрикантам оружия приносят жизненные интересы своего народа, союзников, международную безопасность в целом.

Сколько сказано об открытости американского общества, о свободе информации, о плюрализме мнений, о том, что каждый может и видеть, и слышать то, что хочет.

В Рейкьявике, указывая на различия между нашими системами, президент сказал мне: «Мы признаем свободу печати, право выслушать любую точку зрения». Это я процитировал его слова.

А как выглядит это на деле?

Вот самый свежий факт.

Мне рассказали, что наша общественная организация АПН издала на английском языке тексты моей пресс-конференции в Рейкьявике и выступления по советскому телевидению, направила это во множество стран, в том числе и в Соединенные Штаты.

Так вот: брошюра с этими текстами уже несколько дней задерживается на американской таможне. Ее не пускают к американскому читателю. Вот вам и «право выслушать любую точку зрения»!

Или: касаясь гуманитарных дел, я говорил президенту – возьмите, например, кино. На советском экране идет огромное количество американских фильмов. Советские люди имеют возможность через них представить себе и образ жизни, и образ мыслей американцев.

В «свободной же Америке» советских фильмов практически не показывают. Президент ушел от ответа и, как обычно в таких случаях, спрятался за частное предпринимательство, которое, мол, что хочет, то и делает.

Говорил я ему и об издании американских книг у нас и наших книг – в США: соотношение примерно 20 к одному.

Поставил я перед Президентом и вопрос о радиоинформации. Сказал, что и здесь мы находимся в неравном положении. Вы окружили Советский Союз сетью радиопередатчиков и с территории других стран транслируете на многих языках Советского Союза круглые сутки все, что вам вздумается. Сама же Америка, пользуясь тем, что мы не близкие соседи, отгородила себя от нашей радиоинформации средними волнами - у них приемники там только такие. Президент и на это ничего не мог возразить.

Тогда я ему предложил: давайте так поступим – мы прекращаем глушение «Голоса Америки», а вы предоставляете нам возможность на своей территории или где-то рядом наладить радиопередачи на Соединенные Штаты – так, чтобы это доходило до населения вашей страны. Президент обещал подумать.

Похоже на то, что Соединенные Штаты становятся все более закрытым обществом; хитро и эффективно изолируют там людей от объективной информации. Это – опасный процесс.

Американский народ должен знать правду о том, что происходит в Советском Союзе, о подлинном содержании советской внешней политики, о наших действительных намерениях, да и правду о положении в мире в целом.

На нынешнем этапе, я бы сказал, это приобретает исключительное значение.

Теперь – о том, как преподносятся в Соединенных Штатах итоги Рейкьявика. Понадобилось всего несколько часов, от силы дней, чтобы все, о чем говорилось в Рейкьявике, стало погружаться в туман вымыслов и фантазий. Зерна доверия стараются погубить прежде, чем они дадут всходы.

Президент заявил на днях, что предметом согласия были лишь баллистические ракеты, а его помощники прямо сказали, что бомбардировщики и все крылатые ракеты остаются в неприкосновенности.

Государственный секретарь дал другую версию – что договоренность касалась всех стратегических вооружений. Кстати, он присутствовал на моих беседах с Президентом, как и наш министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе.

Господин Спикс, выступающий от имени Белого дома, заявил, что Р. Рейган, возможно, был неправильно понят и что Президент никогда не давал согласия на ликвидацию всего ядерного оружия.

Дело дошло до прямых передержек.

Утверждается, например, будто на прошедшей встрече Президент США не давал согласия на советское предложение о **полном** уничтожении **всех** стратегических наступательных вооружений СССР и США к 1996 году. Будто единой точки зрения на это наше предложение достичь не удалось.

Со всей ответственностью как участник переговоров заявляю: Президент дал – хотя и без особого энтузиазма – согласие на то, чтобы были ликвидированы все – подчеркиваю – все, а не только какие-то отдельные стратегические наступательные вооружения. И уничтожены именно за десять лет, в два этапа.

Далеки от истины и интерпретации обсуждения проблемы ядерных испытаний. Односторонний подход к этому вопросу со стороны США изображается так, будто Советский Союз выразил с ним полное согласие. Не было такого и не могло быть.

Неправильно подается и вопрос о ликвидации ракет средней дальности в Европе. Мало того, что он изымается из предложенного советской стороной пакета.

Но и наше согласие заморозить количество ракет с дальностью менее 1000 километров начинают изображать как «признание» Советским Союзом «права» США разместить в Западной Европе американские ракеты того же класса.

При таких толкованиях скоро и сам засомневаешься, о чем же мы говорили в Рейкьявике – об устранении ядерной угрозы, сокращении и

уничтожении ядерных вооружений? Или же о том, как повышать такую угрозу дальше, разнообразить ядерные арсеналы, делать ареной военной конфронтации не только всю планету, но и космос, Вселенную? Вот ведь как получается, товарищи.

Перспектива возможного советско-американского взаимопонимания так напугала кого-то, что загодя принялись сооружать совершенно немыслимые преграды, изобретать «предварительные условия».

Помощник Президента договорился до того, что США, прежде чем идти на ядерное разоружение, «должны увидеть изменения политического климата в Советском Союзе».

Несерьезно все это, крайне несерьезно.

Когда подобные претензии выдвигались семьдесят или сорок лет назад, их еще можно было принять за недомыслие, историческую слепоту, сейчас – это демонстрация полного непонимания реальностей.

В качестве «предварительного условия» называется также и вопрос об обычных вооружениях. Сам по себе он достаточно серьезен.

До сих пор расхожим тезисом на Западе было утверждение о «превосходстве» Советского Союза, государств Варшавского Договора в обычных вооружениях. Оно якобы и понуждает НАТО непрерывно наращивать ядерный потенциал.

Конечно, никакого дисбаланса нет. После Рейкьявика этот факт впервые публично признали господин Шульц и господин Риган. Но **суть проблемы не сводится к поддержанию паритета. Мы не хотим, чтобы гонка вооружений переместилась из области ядерных в сферу обычных вооружений.**

Напомню, что наше январское предложение о ликвидации ядерного оружия до конца века включало также положения об уничтожении химического оружия и глубоких сокращениях обычных вооружений.

Мы неоднократно возвращались к этому вопросу и после января. В наиболее развернутом виде предложения стран Варшавского Договора были

сформулированы летом этого года в Будапеште. Мы их направили другой стороне – я имею в виду членам НАТО.

Ответа на них до сих пор не последовало.

Каждый день после Рейкьявика проясняет, что встреча в Исландии оказалась тем пробным камнем, на котором выверяется истинная цена слов и деклараций политических деятелей.

Сколько было наговорено о том, что надо освободиться от ядерного кошмара, как легко будет дышаться в безъядерном мире, пусть только СССР и США сдвинут проблему с мертвой точки!

Но стоило забрезжить лучу надежды, как многие из тех, кто еще вчера клял ядерное оружие, заверял в приверженности идее безъядерного мира, разбежались по кустам.

Даже раздаются голоса в Западной Европе, что трудно расстаться с американским ядерным оружием, с американскими ракетами.

Дело, видимо, в том, что те, кто делает политику на Западе, думают о ядерном оружии вовсе не в оборонительном плане. Иначе трудно объяснить, почему выискиваются сейчас предлоги для сохранения ракет или высказывается поддержка программы СОИ на правительственном уровне.

Есть над чем подумать и нам, и западноевропейской общественности.

Наряду с лобовыми атаками, предпринимаются и более изощренные маневры. Нельзя ли взять со стола переговоров то, что повыгоднее, проигнорировав то, что, по разным причинам, не по вкусу?

Говорят, что трудности в Рейкьявике возникли-де из-за того, что мы, советская сторона, выдвинули наши кардинальные предложения в пакете. Но пакет – это баланс интересов, уступок, баланс снятия озабоченностей, взаимозависимость интересов безопасности. Здесь все как бы на одних весах, надо уравновесить обе чаши.

Вероятно, поэтому на Западе хотят этот логически обоснованный, справедливый вариант суммарной договоренности рассыпать на части, ничего не сделав для восстановления баланса компромиссов.

Все наши предложения, выдвинутые в Рейкьявике, объективно связаны с центральными стратегическими системами оружия. Наши уступки – тоже часть пакета. Не будет пакета – не будет и уступок.

Это – реальность нашей национальной безопасности. Но такой подход обеспечивает безопасность и США, и всех других стран.

Вот почему мы придаем такое значение и укреплению Договора по ПРО. Нет с нашей стороны никакого покушения на него. Наоборот, мы против его ревизии, дополнений и т. п., тем более замены его чем-то другим, как сказал или, может, оговорился Президент в Рейкьявике.

Меня, признаться, очень удивило, когда он во время встречи принялся убеждать советскую сторону, меня лично, не относиться к Договору по ПРО как к «священному писанию». А как же прикажете относиться к договорам? Как к клочку бумаги, что ли?

Без строгого соблюдения договоров, тем более такого фундаментального, не обеспечить международного порядка и элементарной стабильности, иначе в мире будут царить произвол и хаос.

Скажу еще раз: когда СОИ предпочитают ядерному разоружению, возможен лишь один вывод – с помощью этой военной программы пытаются опровергнуть аксиому международных отношений нашей эпохи, заключенную в простых и ясных словах, под которыми мы с Президентом США в прошлом году поставили свои подписи. Вот эти слова: ядерную войну нельзя вести, в ней нельзя одержать победу.

В заключение скажу: Советский Союз в свои предложения вложил максимум доброй воли. Эти предложения мы не снимаем, не снимаем! Все сказанное в их обоснование и развитие остается в силе.

До свидания, товарищи, всего доброго.

Собрание сочинений М.С. Горбачева. Т. 5. С. 105-117.